

Коммунизм Кропоткина

Кропоткин считал разработку теории анархического коммунизма своим главным вкладом в теорию анархизма. И в самом деле, каков был экономический идеал анархического движения до того, как, в 1879 году, Кропоткин выступил в газете „Revolte" с рядом своих знаменитых статей, из которых составила впоследствии книга „Речи бунтовщика".

В эпоху основания Интернационала социалистические учения развивались в двух направлениях: государственного коммунизма и прудонизма. Коммунисты стремились сосредоточить экономическую мощь в руках государства и построить общественную жизнь на военный лад: строгая дисциплина, „отряды" и „армии труда", обязательное общественное потребление в казарменной обстановке и т. д. Коммунизм Луи Блана и Кабэ был именно таким „военным коммунизмом"; если он и провозглашал принцип „каждому по его потребностям", то самые потребности-то должны были определяться свыше, по системе своего рода „продразверстки". Такого характера общественный идеал не мог, конечно, удовлетворить свободные умы, и Прудон выдвинул схему совершенно иного, противоположного типа. В основе экономического строя будущего лежит у него понятие равенства и взаимности: производство и обмен построены на кооперативных началах; члены общества обмениваются равноценными услугами и равноценными продуктами. Привилегии капитала, таким образом, устраняются, но частная собственность — правда, исключительно трудовая — остается и понятие об ее обобществлении в эту схему не входит.

Уже в первые годы существования Интернационала и тот и другой идеал перестали удовлетворять передовых социалистов, и на конгрессах 1867 и 1868 годов был принят принцип общественной (не государственной, а именно общественной) собственности на землю и орудия труда. В последующие годы, в разгар деятельности Бакунина, эта идея была разработана дальше и составила, под названием коллективизма, экономическую программу федералистической части Интернационала. Слово „коллективизм" подверглось впоследствии разным искажениям его первоначального смысла, но в то время оно означало: общественное („коллективное") владение землей и орудиями производства и организацию распределения внутри каждой общины, входящей в анархическую федерацию, соответственно желаниям членов этой общины. Члены Интернационала определяли „коллективизм" как не-государственный, федералистический коммунизм, отмежевываясь, таким образом, от государственного, централизаторского коммунизма Маркса и французских последователей Бабефа, Луи Блана и Кабэ. Именно так нужно понимать слова Бакунина, сказанные на одном конгрессе: „Я — не коммунист, я — коллективист". Когда „коллективисты" Интернационала провозглашали принцип: „каждому — полный продукт его труда", это не значило, что труд будет кем-то оцениваться и вознаграждаться, это значило только, что он не будет эксплуатироваться и все продукты труда пойдут в пользу трудящихся. Как будут распределяться эти продукты — вопрос оставался открытым и предоставлялся решению каждой общины.

Но по мере того, как разработка идей шла дальше, коллективизм в такой форме переставал удовлетворять, и мысль членов Интернационала стала искать определенного ответа на оставленный открытым вопрос — такого ответа, который был бы совместим с принципом отсутствия принудительной силы, государственной власти в обществе. Была выдвинута мысль, что единственное, чем можно руководствоваться при распределении, это — потребности каждого, что точная оценка труда каждого работника — вещь невозможная. В 1876 году Итальянская федерация Интернационала высказалась на своем конгрессе во Флоренции за „анархический коммунизм“, а четыре года спустя к тому же решению пришла (на конгрессе в Шоде-Фоне, в 1880 году) и самая влиятельная федерация — Юрская. На этом конгрессе старый „коллективизм“, отстаивавший обобществление только земли и орудий труда, столкнулся с новой идеей анархического коммунизма, которую отстаивали Кропоткин, Реклю и Кафиеро, как единственно-совместимую с безгосударственным строем. Новая идея восторжествовала и с этого времени коммунизм вошел в анархическое миросозерцание как неотделимая — по крайней мере, в глазах огромного большинства анархистов — его часть. Заслуга разработки этой идеи на основании данных, почерпнутых как из области науки, так и из области практической жизни, принадлежит Кропоткину. Ему анархизм обязан обладанием этим руководящим экономическим принципом.

***

Коммунизм Кропоткина вытекает из двух источников: с одной стороны, из изучения экономических явлений и их исторического развития, с другой — из общественного идеала равенства и свободы. И объективное научное исследование, и страстное искание той общественной формы, в которую может быть воплощен максимум справедливости, приводит его к одному и тому же решению — к **анархическому коммунизму**.

Человечество в ряде веков, трудом бесчисленных поколений, шаг за шагом завоевывая природу, развивая свои производительные силы, совершенствуя технику, накопило на плодородных полях, в недрах земли, в кипучих городах громадные богатства. Бесчисленные технические усовершенствования дают возможность облегчить и сократить человеческий труд; все больше и больше получают возможность удовлетворения самые широкие человеческие потребности. И лишь в силу захвата небольшою горстью людей всего того, что нужно для создания этих богатств — земли, машин, средств сообщения, образования, культуры и т. д. — эти возможности остаются возможностями, не претворяясь в действительность. Вся наша промышленность, говорит Кропоткин, все наше производство приняло ложное направление: вместо того, чтобы служить удовлетворению потребностей общества, оно руководится исключительно соображениями барыша. Отсюда промышленные кризисы, конкуренция, борьба за рынок, а с нею ее неизбежные спутницы — непрерывные войны. Монополия небольшого меньшинства простирается не только на материальные блага, но и на завоевания культуры, на образование; экономическое рабство огромного большинства делает невозможными настоящую свободу и настоящее равенство; оно мешает развитию общественных чувств в человеке и, благодаря тому, что вся жизнь построена на лжи, приводит к понижению его нравственного уровня.

Приспособленная к этому ненормальному положению, современная политическая экономия — начиная с Адама Смита и кончая Марксом — идет, вся целиком, ложным путем: она начинает с производства (накопление капитала, роль машин, разделение труда и т. д.) и уже затем переходит к потреблению, т. е. к удовлетворению человеческих потребностей; тогда как, если бы она была тем, чем она должна быть, т. е. физиологией человеческого общества, она занялась бы „изучением потребностей человечества и средств удовлетворения их с наименьшей бесполезной тратой человеческих сил" [1]. Нужно иметь всегда в виду, что „цель всякого производства — удовлетворение потребностей" [2]. Забвение этой истины приводит к положению, которое долго продолжаться не может. „Человеческие общества должны — под угрозой гибели, которая уже постигла не мало государств в древности, — вернуться к основному принципу, состоящему в том, что раз орудия производства представляют собой продукт труда всего народа, то они должны перейти в руки всего народа. Частное присвоение их и несправедливо и бесполезно. Все принадлежит всем, так как все в нем нуждаются, все работали для него по мере сил, и нет никакой возможности определить, какая доля принадлежит каждому в производимых теперь богатствах... Да, все принадлежит всем! И раз только мужчина или женщина внесли в это целое свою долю труда, они имеют право на свою долю всего, что производится общими усилиями всех. А этой доли уже достаточно, чтобы обеспечить довольство всем" [3].

В этой общей сумме общественных богатств Кропоткин не видит возможности проводить различие между **орудиями производства и предметами потребления**, различие, которым характеризуются социалистические школы социал-демократического типа. Как отделить, особенно в цивилизованном обществе, одно от другого? „Мы не дикари и не можем жить в лесу, в убежище из ветвей... для человека работающего отопленная и освещенная комната является таким же средством производства, как какой-нибудь инструмент или машина. Это — место, где восстанавливаются мускулы и нервы, которые он завтра будет тратить на работе. Отдых производителя, это — подготовка машины к действию. По отношению к пище это еще очевиднее. Тем якобы экономистам, о которых мы говорим, никогда не приходило в голову утверждать, что уголь, сгорающий в машине, не входит в число предметов, столь же необходимых для производства, как и сырой хлопок, или железная руда. Почему же пища, без которой человеческая машина не способна ни на малейшее усилие, исключается из числа предметов, необходимых для производства?" [4] То же и по отношению к одежде, и ко всему остальному.

Искусственно установленное экономистами различие между орудиями производства и предметами потребления не только не выдерживает логической критики, но и не может быть проведено в жизнь на практике. „В нашем обществе все так тесно связано между собою, что невозможно коснуться одной какой-нибудь отрасли хозяйства без того, чтобы это не отозвалось на всех остальных".[5] В момент преобразования капиталистического строя в социалистический экспроприация должна коснуться всего; полумеры только произведут в обществе сильное потрясение, нарушив обычный ход его жизни, и вызовут всеобщее недовольство. Нельзя, напр., экспроприировать помещичьи земли и передать их крестьянам, а фабрики оставить в собственности капиталистов; нельзя передать фабрики в руки рабочих, а торговлю, банки, биржу оставить в прежнем виде. „Невозможно обществу организовать, следуя двум противоположным началам: с одной стороны, превращение в общую собственность всего, что было произведено до известного дня, а с другой — строгое

сохранение личной собственности на то, что будет сработано личностью при помощи общественных орудий и запасов"... [6]

Кропоткин решительно осуждает всякую оплату труда, всякую куплю и продажу. Вознаградить каждого за его труд так, чтобы этот труд не эксплуатировался и не была нарушена справедливость — невозможно. Все социалистические системы, устанавливающие вознаграждение пропорционально труду (все равно — деньгами ли, рабочими ли чеками, или натурой) делают тем самым существенную уступку духу капиталистического общества. С первого взгляда, это кажется парадоксом. „В самом деле, пишет Кропоткин в своей критике системы наемного труда, — (см. главу „Наемный труд в коллективистическом обществе“ в книге „Хлеб и Воля“), в таком обществе, как наше, где мы видим, что чем больше человек работает, тем меньше он получает, такое начало может казаться, с первого взгляда, выражением справедливости. В действительности же оно только освящает всю несправедливость прошлых времен. Наемный труд начал свое существование именно с этого принципа — „каждому по его трудам“ — и привел он нас понемногу к самому явному неравенству и ко всем возмутительным явлениям современного общества. С того дня, когда люди начали мерять услуги, оказываемые обществу, платя за них деньгами или какой-бы то ни было другой формой заработной платы, — с того дня, когда было заявлено, что каждый будет получать столько, сколько он сможет заставить себе платить за свои услуги — с этого дня вся история капиталистического общества была (при содействии государства) написана заранее... Услуги, оказываемые обществу, — будь то работа на фабрике, или в поле, или услуги нравственного характера — не могут быть оценены в монетных единицах. Беря мануфактурное производство, точной меры ценности — ни того, что неправильно называют меновой ценностью, ни ценности, рассматриваемой с точки зрения полезности, — нет возможности установить... Можно сказать в общем, что человек, который всю свою жизнь лишал себя досуга в течении десяти часов в день, дал обществу больше, чем тот, который отнимал у себя всего пять часов, или не отнимал вовсе ничего. Но нельзя взять продукт, который он произвел в течении двух часов, и сказать, что этот продукт стоит вдвое больше, чем продукт одного часа другого человека, и вознаградить труд обоих соответственно этому расчёту. Это значило бы закрыть глаза на всю сложность промышленности, земледелия и, вообще, всей жизни современного общества; это значило бы не замечать, до какой степени всякий труд каждой отдельной личности является результатом всего прошедшего и настоящего труда всего общества. Это значило бы думать, что мы живем в каменном веке, тогда как, на самом деле, мы живем в веке стали [7]. Кропоткин, таким образом, не признает реального основания за той трудовой теорией ценности, которая играет, как известно, самую существенную роль в экономике марксизма. Точно также не признает он и различия между трудом простым и квалифицированным, которое допускают некоторые социалистические школы. Исходя из теории ценности Рикардо и Маркса, этому различию пытаются дать научное обоснование, ссылаясь на то, что обучение какого-нибудь техника обходится обществу дороже, чем обучение простого рабочего, что „издержки производства“ первого — больше. Кропоткин доказывает, что колоссальное неравенство, существующее в этом отношении в современном обществе, создается вовсе не "издержками производства", а существующей монополией на знание: знание составляет известного рода капитал, который можно эксплуатировать тем легче, что высокая оплата квалифицированного труда очень часто просто — дело расчета собственной выгоды со стороны предпринимателя. Сохранение этих различий в социалистическом обществе —

даже если они будут очень сильно смягчены — он считает в высшей степени вредным, так как это значило бы „узаконить Революцией и возвести в основное начало тот грубый факт, которому мы подчиняемся теперь, но который мы тем не менее находим несправедливым". [8]

Вообще, от принципа оплаты и оценки труда нужно раз навсегда отказаться. Если социальная революция не сделает этого, говорит Кропоткин, она поставит преграду дальнейшему развитию человечества и оставит нерешенную задачу, которую мы получили в наследство от прошлого. „Каждому по его делам! Но человеческие общества не могли бы просуществовать и двух поколений подряд, если бы каждый не давал иногда другим гораздо больше, чем он получает от них... если бы каждый человек не давал, хоть иногда, не считая, если бы он не давал в особенности именно тогда, когда он не ждет никакого вознаграждения.

И если буржуазное общество гибнет, если мы находимся в настоящую минуту в тупике, из которого не можем выйти иначе, как разрушая топором и огнем учреждения прошлого, то это происходит именно от того, что мы слишком много считали; от того, что мы приучили себя давать только с целью получить, от того, что мы захотели сделать из общества коммерческую компанию, основанную на приходе и расходе" [9].

И Кропоткин призывает к смелости мысли, к построению нового мира на новых началах. А для этого нужно прежде всего „поставить потребности людей выше их дел", нужно „признать и заявить во всеуслышание, что всякий, каков бы ни был в прошлом его ярлык, как бы он ни был силен или слаб, способен или неспособен, имеет прежде всего право на жизнь, и что общество должно делить между всеми те средства существования, которыми оно располагает".[10]

„Пусть каждый берет сколько угодно всего, что имеется в изобилии и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить".[11] Чем же руководиться в установлении этих необходимых ограничений? Кому придется терпеть их? Само собой разумеется, что Кропоткин не может признать ни различных категорий граждан, устанавливаемых на основании их ценности — экономической или политической — для общества, ни какого бы то ни было значения в этом отношении рода занятий в настоящем или социального положения в прошлом. Его мерило — проще и человечнее, оно единственно человеческое: привилегиями пользуются те, кому всего труднее терпеть лишения — слабые и больные, дети и старики. Это — так естественно, так понятно для всякого, что на этом основании не трудно придти к взаимному соглашению без всяких столкновений, без всякого принуждения.

***

Итак, в основе нового общества — добровольный труд и право каждого на жизнь. Здесь сейчас же возникает целый ряд вопросов. Не будет ли такое коммунистическое общество обществом голодных, нищих людей? Не падет ли производительность труда при отсутствии понукающего стимула — голода? Кропоткин на целом ряде примеров показывает, напротив,

насколько повышалась всегда производительность человеческого труда, когда он становился хотя бы сравнительно свободным — после уничтожения феодальных прав во Франции в 1792, после отмены рабства негров в Америке, после уничтожения крепостного права в России. А — в меньшем масштабе — все примеры общего свободного труда (в русских, швейцарских, немецких деревнях, в артелях, у американских пионеров, у русских духоборов в Канаде, в общинах менонитов и т. д. и т. д.) показывают такую его производительность, такой подъем энергии у работников, какого не наблюдается ни в одном предприятии с наемным трудом. „Наемный труд — труд подневольный, который не может и не должен давать всего того, на что он способен. Пора уже покончить с этой сказкой о заработной плате, как лучшем средстве для получения производительного труда. Если промышленность дает в наше время во сто раз больше, чем во времена наших дедов, то мы обязаны этим быстрому расцвету физики и химии в конце прошлого века; это произошло не благодаря капиталистической системе наемного труда, а не смотря на нее [12]. Именно свобода может поднять производительность труда, все же остальные меры, всякое давление сверху — в виде ли дисциплинарных мер, в виде ли сдельной платы — достигает обратных результатов. Это — пережитки рабовладельчества и крепостничества, когда русские помещики говорили, что крестьяне — лентяи и не станут обрабатывать полей, если за ними не смотреть. И разве мы не видим теперь в России блестящее подтверждение слов Кропоткина: производительность труда падает, страна нищает, а дисциплинарные меры все растут и растут, превращая страну в казарму, а рабочего — в мобилизованного солдата?

Затем другой вопрос: допустим, что коммунизм сможет обеспечить обществу довольство и даже богатство, но не убьет ли он вместе с тем свободу личности? Коммунизм государственный — да, отвечает Кропоткин, но не коммунизм анархический. „Коммунизм, как учреждение экономическое, может принять все формы, начиная с полной свободы личности и кончая полным порабощением всех" [13]. Но всякая другая экономическая форма в этом отношении хуже, потому что неизбежно требует существования принудительной власти: там, где сохраняется наемный труд и частная собственность, одни люди ставятся в зависимость от других и создающиеся привилегии должны силою охраняться от возможных посягательств со стороны обездоленной части общества. Коммунизм же не только не противоречит свободе личности, но наоборот: „без коммунизма человек никогда не достигнет полного развития личности, которое составляет, может быть, самое пламенное желание каждого мыслящего существа".[14]

“ „Коммунизм, по крайней мере, по отношению к предметам первой необходимости, представляет решение, к которому идут современные общества, и в цивилизованном обществе единственно возможной формой коммунизма является та, которую предлагают анархисты, т. е. безначальный коммунизм. Всякий другой коммунизм невозможен. Мы переросли его. Коммунизм, по существу своему, предполагает равенство всех членов коммуны и отрицает поэтому всякую власть. С другой стороны, немисливо никакое анархическое общество известной величины, которое не начало бы с обеспечения всем хотя бы некоторого уровня жизненных удобств,

добываемых всеми сообща.

Таким образом, понятия коммунизма и анархии необходимо дополняют друг друга".[15]

Коммунизму, между прочим, делаются возражения на основании неудачи, которая обыкновенно постигает разные коммунистические общезжития — религиозные общины или социалистические колонии. И те, и другие страдают недостатками, ничего общего не имеющими с коммунизмом, и именно от этих недостатков и гибнут. Во-первых, замечает Кропоткин, все они обыкновенно слишком малы по размерам и не связаны друг с другом; члены их, силою вещей, живут в слишком ограниченной сфере интересов, искусственную жизнь. Эти общины удаляются от жизни остального человечества, от его борьбы, от его прогресса. Затем они всегда требуют полного подчинения своих членов коллективу: жизнь каждого контролируется, он никогда не принадлежит самому себе, все его время поглощается обществом. Поэтому-то и бегут из таких общин обычно все сколько-нибудь независимые люди, особенно молодежь.

“ „Миллионы человеческих существ никогда не согласятся жить в фаланстере. Правда, даже наименее общительный человек испытывает по временам потребность встречаться с другими людьми для общего труда — труда, который становится более привлекательным, если человек чувствует себя при этом частью огромного целого. Но часы досуга, посвящаемые отдыху и близким людям, — дело гораздо более личное... Фаланстер может быть хорош иногда, но он оказался бы очень плох, если бы он стал общим правилом... Нам говорят иногда, что жизнь в фаланстере экономнее, но это — самая мелочная и пустая экономия. Настоящая, естественно-разумная экономия состоит в том, чтобы сделать жизнь приятной для всех, потому что, когда человек доволен жизнью, он производит неизмеримо больше, чем когда он прокликает все окружающее" [16].

Вот — соображения, над которыми не мешало бы подумать в наше время тем, кто видит в „социализации быта" цель социалистического строительства и ждет на этом пути исцеления от зол, созданных именно подобными же мероприятиями, проникнутыми военным духом.

В сущности, отмечает Кропоткин, возражения, которые делаются анархическому коммунизму другими социалистическими школами, не носят принципиального характера: почти все признают коммунизм и анархизм как идеал. Ведь исчезновение государства вслед за исчезновением классов намечается, как дело будущего, и у марксистов. Анархический коммунизм отрицают обыкновенно на основании его якобы утопичности; большинство социалистов, не предвидя возможности непосредственного перехода от капитализма к анархическому коммунизму, ставят целью своей практической работы не его, а ту форму экономической жизни, которая, по их мнению, осуществится в неизбежный переходный период. Кропоткин вовсе не стремился доказать, что анархический коммунизм будет непременно сейчас же проведен в жизнь в его совершенной форме, но он иначе ставит

вопрос о переходном периоде.

„Но нужно помнить, что всякое рассуждение о переходах, которые придется сделать на пути к цели, будет совершенно бесполезно, если оно не будет основано на изучении тех направлений, тех зачаточных переходных форм, которые намечаются уже теперь¹“). И здесь Кропоткин намечает, что эти направления ведут именно к коммунизму. На многочисленных примерах и доказательствах этого у нас нет возможности останавливаться здесь; мы отсылаем, поэтому, читателя к самому тексту. Но в связи с этим, не мешает напомнить и еще об одном выражении. Мы все знаем, как часто указывают на крайний оптимизм Кропоткина — одни с снисходительной похвалой („идеалист, прекрасный человек!“), другие с порицанием. Ведь для такого общественного строя нужны не современные люди, а гораздо более нравственно-развитые, говорят нам обыкновенно — и откладывают всякую мысль об этом до того времени, когда люди разовьются, каким-то неизвестным образом. Да, конечно, Кропоткин верит в людей, особенно в их способность развиваться и в те чувства общности и солидарности, которые заложены в них природою; но разве этого рода оптимизм не непереносимое свойство всех людей прогресса, революционеров и реформаторов? Ведь аргумент, что люди — несовершенны, что народ „не созрел“, что он — дик, невежествен и т. д., были всегда достоянием консерваторов всякого толка, защитников существующего порядка от всяких освободительных попыток. Передовые же люди всегда знали, что для того, чтобы люди стали лучше, более развитыми, культурнее их нужно поставить прежде всего в лучшие условия жизни, что рабство никогда не научит пользоваться свободою, а война всех против всех не выработает гуманных чувств. Так и здесь: цельных анархистов, таких, какие теперь встречаются только единицами и каким был Кропоткин, создаст только анархический строй; поэтому работать для него, приближаться к нему нужно, не ожидая поднятия уровня людей: люди будут расти по мере расширения свободы и равенства в общественных формах. И, во всяком случае, не социалистам, не людям будущего, пользоваться аргументом несовершенства и неподготовленности массы.

Анархический коммунизм Кропоткина разделяется огромным большинством анархистов, но не всеми. Существуют анархисты — индивидуалисты, из которых одни — сторонники частной собственности, а другие вообще мало задаются вопросами будущей общественной организации, сосредоточивая свое внимание на внутренней свободе личности во всяком общественном строе; существуют и анархисты прудоновского направления. Но что анархический коммунизм принимается всеми теми, кто участвует в общественной борьбе нашего времени, главным образом в рабочем движении, это — не случайность и не вопрос временного успеха той или иной идеи. Только коммунизм дает руководящую нить при решении ряда вопросов положительного строительства, так как он — необходимое условие для возможности существования безгосударственного общества. Все другие анархические системы наталкиваются на неразрешимые внутренние противоречия; один анархический коммунизм отвечает и требованиям теоретической последовательности, и требованиям построения практических программ.

Примечания

¹ „Хлеб и Воля“, изд. „Голос Труда“, стр. 172.

- 2 Там - же, стр. 173.
- 3 Там - же, стр. 27.
- 4 Там -ж е, стр. 58.
- 5 Там -ж е, стр. 57.
- 6 „Современная наука и анархия“, над. „Голос Труда“, стр. 88.
- 7 „Хлеб и Воля“ , изд. „Голос Труда“, стр. 164 — 165.
- 8 Там - же, стр. 162 .
- 9 Там - же, стр. 167 — 168.
- 10 Там - же, стр. 135
- 11 Там - же, стр. 70.
- 12 „Хлеб и Воля“, стр. 146.
- 13 „Современная наука и анархия“, стр. 140.
- 14 Там - же, стр. 141.
- 15 Там - же, стр. 85.

Версия #2

Зверобой создал 21 февраля 2026 07:52:17

Зверобой обновил 21 февраля 2026 08:15:34